

КАЛМЫКИ, КАРАНОГАЙЦЫ, КУБАНСКИЕ НОГАЙЦЫ И КРЫМСКИЕ ТАТАРЫ – ГЕНОГЕОГРАФИЧЕСКИЙ И ГЕНОГЕНЕАЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

Тюрин А.М.

Тюрин Анатолий Матвеевич, к. г.-м. н., заведующий лабораторией геофизики отдела геологии и геофизики ООО «ВолгоУралНИПИГаз», 460000, Оренбург, Кирова 52А, 29, E-mail: tiurin2007@rambler.ru

Рассмотрены взаимодействия калмыков с ногаями, входившими в 17 веке в Большую Ногайскую орду, Малую Ногайскую орду и Крымское ханство, а также многочисленные переселения последних. Приведены частоты гаплогрупп Y-хромосомы монголов, калмыков и потомков ногаев – караногайцев, кубанских ногайцев и крымских татар. Во внимание принят вывод (Тюрин, 2017): генетические монголы не приходили в Восточную Европу и сопредельные регионы Азии ранее завершения обособления литовских татар (ранее начала 16 века). Исходя из этого, отмеченные у потомков ногаев монгольские гаплогруппы С, О и D (суммарно от 2,0-5,0 % у крымских татар до 8,7 % у караногайцев), могли попасть к ним только от калмыков. Выявлено генетическое влияние калмыков на другие популяции, с которыми они контактировали прямо или через ногаев. Значимые частоты монгольских гаплогрупп (1,5-7,0 %) имеются у черкесов, табасаранцев, казанских татар, турок и башкир. У других популяций Северного Кавказа и Восточной Европы эти гаплогруппы либо не выявлены, либо отмечены их единичные носители. Черкесы прямо контактировали с калмыками, ногаями и их потомками кубанскими ногайцами. В Турцию было несколько переселений ногаев и крымских татар. Возможно, существовал и поток калмыков (ясырь). У башкир носители монгольских гаплогрупп выявлены только на периферии региона их расселения в зонах контакта с калмыками и казахами. Пока не понятно, как монгольские гаплогруппы попали к табасаранцам. Не ясен характер их распределения в субпопуляциях поволжских татар.

Ключевые слова: геногеография, геногенеалогия, Большая Ногайская орда, Малая Ногайская орда, Крымское ханство, калмыки, караногайцы, кубанские ногайцы, крымские татары.

1. Введение

В соответствии с феноменом Традиционной истории «Монгольские завоевания 13 века», предки караногайцев, кубанских ногайцев и крымских татар являлись «титупной нацией» Улуса Джучи и постордынских формирований 15 – начала 17 веков: Большой Ногайской орды, Малой Ногайской орды и Крымского ханства. Наличие монгольских гаплогрупп Y-хромосомы С, О и D у этих популяций подтверждает участие монголов в их генезисе. Однако, этих гаплогрупп не выявлено у других потомков «титупной нации» – литовских татар, обособившихся в начале 16 века (Тюрин, 2017, стр. 81). Это однозначно свидетельствует о

том, что монголы не принимали участие в формировании военного сословия «степных» политических образований 15 века. Такое могло быть только в одном случае – генетические монголы не приходили в Восточную Европу и сопредельные регионы Азии ранее начала 16 века. Этот однозначный вывод является киллер-аргументом против феномена «Монгольские завоевания 13 века». В публикации (Матюшко, 2011) рассмотрены данные по 276 погребениям кочевников 13-14 веков степного Приуралья. Сделано заключение: «вопрос о наличии в регионе погребений самих монголов остается открытым» (стр. 286). То есть, погребений монголов не выявлено. Автор монографии (Трепавлов, 2016) дал справку по письменным свидетельствам: «ни малейшего следа присутствия монголов среди предков ногаев не зафиксировано какими-либо источниками» (стр. 474).

Однако, монгольские генетические маркеры имеются у караногайцев, кубанских ногайцев и крымских татар. Мы предположили, что их предки находились в тесном контакте с калмыками (генетически это монголы), пришедшими в Северный Прикаспий в 17 веке, и от них получили монгольские гаплогруппы (Тюрин, 2010). В 2016 г. появились новые данные по этим трем популяциям. Представляется целесообразным проверить наше предположение. Кроме новых данных популяционной генетики в статье рассмотрены контакты калмыков с ногаями в 17-19 веках, а также другими популяциями Восточной Европы.

2. Ногаи в 15-17 веках

«Титульной нацией» Большой Ногайской орды, Малой Ногайской орды и Крымского ханства являлись кипчаки. Отсюда названия региона их проживания – Дешт-и-Кипчак. Со второй половины 15 века они стали называться ногаями. В русских свидетельствах самые ранние упоминания ногаев и Ногайской орды относятся к 1479, 1481 и 1486 гг. (Трепавлов, 2016, стр. 5). Но самоназванием ногаев – мангыт. Так же они назывались в арабских и персидских свидетельствах. От себя добавим, что МАНГЫТ (МАНГ+УД) и МОНГОЛ (МОНГ+ЭЛЬ) – это две формы одного и того же слова. Лингвистические маркеры УД и ЭЛЬ в данном случае означают одно и то же – «сообщество». Не путают ли историки ногаев-мангытов в арабских и персидских свидетельствах с монголами?

В начале 17 века мурзы Большой Ногайской орды кочевали со своими улусами в районе рек Урал (его среднее и нижнее течение), Эмбы, Ори, Иргиза, Самары, Большого и Малого Узеней. Заходили и на правый берег Волги. Самоназвание степного объединения – Мангытский юрт (Трепавлов, 2016, стр. 124). Малая Ногайская орда занимала территорию Приазовья. Во второй половине 17 века на Куме отмечен Мажаров юрт и кочевье Меньших Нагаев. В этот же период ногаи Крымского юрта

делились на четыре группы. Большие Ногаи, две группы Малых Ногаев и ногаи, изначально проживавшие в пределах собственно Крыма.

Белгородская орда (входила в крымское ханство) занимала территорию южной части Днепро-Днестровского междуречья. В середине 16 века сюда прибыли ногаи переселенцы из-за Волги. В 1620-1630-х гг. в орде нашли приют ногаи Большой и Малой Ногайских орд, отступившие под натиском калмыков.

3. Калмыки в 17 веке

В начале 17 века ойраты (торгоутские, дербетские и некоторые другие тайши со своими улусами) вышли из Джунгарии и начали продвигаться вниз по Иртышу к границе России. В 1606 г. в Таре появился посланец тайши Урлюка, главы торгоутов (Устюгов & Златкин, 1967). Калмыкам были нужны степи для кочевий, разрешение на торговлю в сибирских городах и содействие в их борьбе с монголами, казахами и ногаями. В то время речь шла о разрешении калмыкам кочевать по рекам Камышловка и Ишим. Но что-то заставило их настойчиво двигаться на запад.

В 1608 г. отряды калмыков появились на Эмбе и «вступили в контакт» с кочевавшими здесь ногаями Большой Ногайской орды. В 1613 г. калмыки впервые перешли реку Урал. До начала 30-х годов они оттеснили ногаев с левобережья Волги. Московское правительство вынуждено было вмешаться в этот вопрос и в 1631 г. кочевья были возвращены ногаям. Но закрепиться там им не удалось. В 1633 и 1634 гг. калмыки совершили нападения на ногаев, кочевавших под Астраханью. Попытка ногайских мурз договориться с калмыками о совместной кочевке на левобережье Волги успеха не принесла. В 1639 г. калмыки подошли к Самаре и начали кочевать в ее окрестностях. К этому времени их кочевья заняли всю территорию Большой Ногайской орды.

В 1644 г. значительные отряды калмыков перешли Волгу, потом Терек, и вступили на территорию Кабарды, но были здесь разгромлены союзными силами кабардинцев, ногаев, горских народов и Крымского ханства. «Были убиты и попали в плен около 10 тыс. калмыков» (Бобров & Рюмшин, 2015, стр. 360). «Через несколько месяцев после сражения к кабардинским князьям Алегукке и Хатокшоке приезжало калмыцкое посольство с просьбой отдать им пленных за выкуп. Князья не возражали, но никого из своих соплеменников калмыцкое посольство у кабардинцев и малоногайцев не обнаружило, так как они были «распроданы в горы в разные земли до их приезде» [ссылка на источник]. Пленные могли быть не столько распроданы, сколько оказаться в горах в качестве трофеев» (Бегеулов, 2014, стр. 214-215).

В период 1655-1664 гг. Московское правительство заключило с калмыками ряд соглашений. Калмыки вошли в российское подданство и

периодически давали шерт (брали на себя определенные обязательства). Им были определены степные угодья. По левому берегу Волги от Каспия до Самары, по правому – до Царицына. На западе – до Дона. Сохранили они и свои кочевья в междуречье Волги и Урала, а также на Эмбе и Иргизе. Как союзники Московского царства, калмыки приняли активное участие в Русско-Польской войне 1654-1667 гг. Выставляли на Левобережную Украину крупные конные отряды. «В начале 1664 г. общая численность калмыцкой армии на Украине достигает 20 тыс. всадников» (Бобров & Рюмшин, 2015, стр. 362). В ходе военных действий калмыки серьезно ослабили Крымское ханство и его союзников ногаев. При Аюке (правил в период 1672-1724 гг.) произошло становление Калмыцкого ханства в составе России. В него вошло и часть ногайских улусов (Торопицын, 2011, стр. 331). «Численность населения Калмыцкого ханства «при Аюке», по оценке В.Н. Татищева, составляла 70 тыс. калмыцких и более 30 тыс. татарских (в основном, ногайцев) кибиток» (Очиров, 2009, стр. 117). По оценкам специалистов численность «кибитки» (семьи) примерно 5 человек.

Итак, первые контакты калмыков с ногаями Большой орды произошли в 1608 г. К концу 40-х их остатки были вытеснены за Волгу. В 1644 г. калмыки вступили в контакт с Приазовскими ногаями и народами Северного Кавказа. После битвы в Кабарде (1644 г.) пленные калмыки были «распроданы в горы в разные земли». Но взаимодействие с ногаями было не только военным. В 1661 г. решился вопрос с ногаями западной части Прикаспия. Они приняли ультиматум калмыков. Часть их мурз стала кочевать вблизи Терека, другая вошла в калмыцкие улусы. В 1669 и 1670 гг. два калмыцких тайши, поссорившись с Аюкой, боровшимся за власть, откочевали со своими улусами к приазовским ногаям (Устюгов & Златкин, 1967). Но вскоре они помирились с вождем калмыков и вернулись в Прикаспий.

4. Ногаи в 18-19 веках

В начале 18 века часть Большой Ногайской орды – джетисанцы и джембуйлуки, находились в западном Прикаспии под властью калмыцкого хана Аюки (Торопицын, 2011, стр. 331). Были и ногаи, которые проживали около Астрахани под управление российской администрации. Ногаи Кубанской орды подчинялись Крымскому ханству и управлялись Бахты-Гиреем. В 1715 г. Бахты-Гирей увел на Кубань «свыше десяти тысяч джетисанцев и джембуйлуков, кочевавших вместе с калмыцкими улусами» (стр. 331). Но в 1716 и 1717 гг. калмыкам удалось их вернуть. В 1723 г. в калмыцких улусах началась смута. Джетисанцы и джембуйлуки начали откочевывать на Кубань. В 1724 г. их оставшихся соплеменников опять увел Бахты-Гирей (стр. 333). Часть кочевавших на Тереке ногаев ушла на Кубань сама. В 1728 г. калмыки организовали поход на Кубань для

возвращения «своих» ногаев. Но власти Турции их опередили. Они перевели джетисанцев и джембуйлуков, а также других ногаев в Белгородскую орду (через Крым). В 1733 г. крымские войска увели и тех ногаев, которые кочевали за Терекком. В 1747 г. часть ногаев из Белгородской орды крымский хан переселил на Кубань. С другой стороны, России удалось в 1736-1739 гг. вывести из турецких владений ногаев-салтанаульцев и поселить их в междуречье Терека и Кумы. Но часть из них вернулась на Кубань.

В 1743 г. в Россию силой возвращено около 3 тыс. ногаев-салтанаульцев. В Нижнем Поволжье группу разделили по социальному признаку. Их мурз и старшин с женами и служителями (всего 568 человек) отправили на поселение в казанскую Татарскую слободу (Торопицын, 2012, стр. 111). В Казанской губернии часть их людей (261 человек) решили передать свияжским татарским мурзам. Из оставшихся в Нижнем Поволжье салтанаульцев молодых мужчин и мальчиков определили в армию и школу. Остальных распределили по калмыцким улусам либо в окрестностях Астрахани под присмотром астраханских властей. Кроме салтанаульцев, 646 ногаев-кундровцев было отправлено с Нижнего Поволжья в Казань, а впоследствии в Оренбургскую губернию (Торопицын, 2011, стр. 349). В 1745 г. малые ногаи (салтанаульцы или касаевцы) начали переговоры о возвращении с Кубани в Россию. Но «крымские власти перевели всех малых ногаев с Кубани вглубь своей территории» (стр. 352).

Примечательна судьба кундровцев (малебашцев), которых автор публикации (Торопицын, 2014, стр. 97) относит к Большой орде. Они кочевали южнее реки Урал, но калмыки захватили их и привели на Нижнюю Волгу. В конце 17 века кундровцы от калмыков ушли, часть в турецкие владения (на Кубань), часть к Кизляру. Последние находились в русском подданстве. Во время Персидского похода Петра I (1722-1723 гг.), участвующие в нем калмыки вернули в свои улусы кундровцев, кочевавших у Кизляра. Но вскоре большая их часть оказалась на Кубани. В период русско-турецкой войны 1736-1739 гг. часть кундровцев вновь перешла в российское подданство. Им были отведены места для кочевки на Нижней Волге. Примерно половину из них перевели в 1744 г. в Оренбургскую губернию, где зачислили в казачье сословие (Викторин, 2008, стр. 4).

В 1771 г. ногаи восточной части Белгородской орды были переселены Екатериной II на правобережье нижней Кубани (Кипкеева, 2006, стр. 6). Ее западная часть – Бурджак, осталась в составе Османской империи. Здесь сформировался субэтнос – буджацкие татары. После присоединения Буджака к России (по результатам Русско-Турецкой войны

1806-1812 гг.) буджацкие татары ушли в Добруджу. Этноним их потомков – дунайские (или румынские) татары.

После присоединения Крыма к России (1783 г.) возник план переселения ногаев Кубанской орды в степи Оренбуржья. Но что-то не сложилось. Ногаи начали вооруженную борьбу против России. «Страшный урок, данный мятежникам, был так поучителен, что навел панический страх не только на все Закубанье, но даже на крымских татар. Последние тысячами бежали в Турцию, опасаясь подвергнуться подобной же участи. Крым вскоре опустел и до настоящего времени еще не достиг той цифры народонаселения, которая была в нем при ханах. Ногайцы поступили иначе. Только злейшие противники России отделились под покровительство черкесов, остальные же явились к Суворову с повинной головой и были им переселены в Крым. На местах, где прежде кочевали ногайцы, поселено впоследствии Черноморское казачье войско» (Потто, 1899). О переселении ногаев в Крым пишет и автор публикации (Кипкеева, 2006, стр. 6), «откуда большая их часть мигрировала вместе с татарами в Османскую империю». Миграция происходила на территорию современной Турции и в Добруджу (Янковски, 2000). Граница между российскими и турецкими владениями в то время проходила по реке Кубань. Часть ногаев осталась на ее левобережье. Закубанские ногаи были частично выведены в Россию в 1785-1790 гг. В 1785 г. – в район Кизляра. После Русско-Турецкой войны 1828-1829 гг. левобережье нижней Кубани вошло в состав России. Большая часть ногаев региона эмигрировала в 1857-1861 гг. в Османскую империю. Позднее некоторые рода ногаев вернулась в Россию. Их поселили на Куме.

В регионах компактного проживания ногаев в конце 19 века были и калмыки, оторванные от основной их массы на территории западного Прикаспия. «Согласно переписи 1897 г., в Ставропольской губернии проживало 1323 калмыков в двух уездах: Ставропольском и Новогеоргиевском, а на территории области Кубанского войска значилось 378 калмыков в Ейском, Лабинском и Кавказском отделах. Все эти группы были слишком малочисленны, чтобы противостоять ассимиляционным процессам» (Очиров, 2004, стр. 70). Порядка 4 тыс. калмыков проживала на Тереке. Часть их могла быть ассимилирована ногайцами и другими популяциями.

Сегодня прямыми потомками ногаев 16-17 веков являются караногайцы Дагестана, кубанские ногайцы (ногайцы Ногайского и Абазинского районов Карачаево-Черкессии), субэтнос крымских татар – ногай (жители Степного Крыма) и румынские татары. Все этносы, кроме кубанских ногайцев, являются потомками разных ногайских родов. А предками последних – джетисанцы и джембуйлуки Большой Ногайской орды (Кипкеева, 2006, стр. 7). Отметим, что джембуйлуки когда-то

кочевали в районе Эмбы (Торопицын, 2011, стр. 331) (джем+буй+лук – живущие в окрестностях Ем/Джем, то есть Эмбы).

5. Генетические портреты популяций

Ранее нами по современным популяциям монголов сформированы генетические маркеры-индикаторы события «Монгольские завоевания 13 века» (Тюрин, 2010). Это гаплогруппы Y-хромосомы (передаются по мужской линии) С (ее частоты у монголов порядка 60 %), а также О и D (встречаются у монголов с небольшими частотами, но нехарактерны для популяций Восточной Европы). Эти же гаплогруппы выделили авторы публикации (Балаганская и др., 2016, стр. 211): «Наличие в генофонде народов гаплогрупп С, D и O рассматривается как свидетельство об экспансии монгольских племен».

В соответствии с феноменом «Монгольские завоевания 13 века», считается, что халхи, являющиеся сегодня самой большой субэтнической группой монголов, жили на территории современной Монголии в 8-13 веках. То есть, генетические данные по ним характеризуют монголов-завоевателей 13 века. У халхов (85 образцов): С – 56,6 %, О – 18,8 %, D – 3,5 % (Katoh & Munkhbat, 2005, стр. 66). Небольшие этнические группы урянхайцы (Uriankhai) и зачины (Zakchin) живут на западе Монголии. Их предками были ойраты. У урянхайцев (60 образцов): С – 58,3 %, О – 11,7 %, D – 1,7 %. У зачинов (60 образцов): С – 46,7 %, О – 11,7 %, D – 3,3 %.

У калмыков: С – 61,6 % (99 образцов) (Nasidze & Quinque, 2005, стр. 850). По другой выборке (68 образцов): С – 70,6 % (Derenko & Malyarchuk, 2006, стр. 595). По двум выборкам частота гаплогруппы С у них составляет 65,3 %. По частотам гаплогрупп Y-хромосомы калмыки попадают в один кластер с монголами и казахами.

Частоты гаплогруппы R1a1a-M198 у карангайцев (153 образца) – 21 %, но «славянская» линия практически отсутствует – 2 % (Схаляхо & Чухряева, 2016, стр. 327). Частоты монгольской гаплогруппы С – 8 %. Отмечается нехарактерные для популяций региона высокие частоты гаплогруппы N1-LLY22 – 21 %. Эта аномалия по мнению авторов публикации может быть связана либо с башкиро-ногайской миграцией в середине 16 века, либо с ранними булгарами 7 века. Отметим, что у карангайцев выявлена и гаплогруппа Q – 2 %. Это «роднит» их с сибирскими татарами. У них относительно высокие частоты гаплогрупп N1 и Q. На основании этого можно сформулировать еще одну гипотезу. Несколько родов ногаев, включенных в этногенез карангайцев, в прошлом кочевали вблизи региона проживания сибирских татар (их генетические портреты приведены в публикации (Агджоян & Балановская, 2016, стр. 981). Они получили там гаплогруппы, доминирующие у хантов и манси. У последних по частотам доминирует гаплогруппа N1 и заметные частоты Q (Волков, 2013, стр. 80). В другой

выборке караногайцев (77 образцов) частоты гаплогруппы С составляют 10 % (Юнусбаев, 2006, стр. 14). По двум выборкам частота гаплогруппы С у караногайцев – 8,7 %.

У кубанских ногайцев (90 образцов) по частотам доминирует гаплогруппа R1a1a-M198 – 48 % (Схаляхо & Чухряева, 2016, стр. 327). Частоты ее «славянской» субветви R1a1a1g-M458 – 13 %. Частоты монгольских гаплогрупп – 4 %, в том числе: С – 3 % и О – 1 %. По другой выборке (Литвинов, 2010, стр. 11) у кубанских ногайцев (87 образцов) частота монгольских гаплогрупп – 12,8 %, в том числе: С – 8,1 %, О – 3,5 %, D – 1,2 %. По двум выборкам частота монгольских гаплогрупп у ногайцев составляет 8,5 %, в том числе гаплогруппа С – 5,6 %. Среди крымских татар (22 образцов) присутствует весь монгольский набор гаплогрупп: С – 2, О – 2, D – 1 (Marchani et al., 2008, Table 2). Всего 22,7 %. Но эта выборка небольшая. У крымских татар выделяется три субэтноса: ногай (Степной Крым), жители гор и жители Южного берега (Муратов, 2016, стр. 30). Можно ожидать дифференцированное распределение монгольских гаплогрупп по субэтносам. По татарам имеется новый массив данных (306 образцов с разбивкой по субэтносам). Но они пока не опубликованы (Балановская & Агджоян, 2016). По диаграмме, приведенной в отмеченной публикации (стр. 79), у крымских татар около 5,0 % носителей гаплогруппы С. Данные по общей выборке гаплогруппы крымских татар (229 образцов) привел автор публикации (Муратов, 2016). По диаграмме (стр. 32) носителей гаплогруппы С у татар примерно 2,0 %. Будем считать, что у крымских татар 2,0-5,0 % носителей гаплогруппы С.

По генетическому портрету караногайцы, кубанские ногайцы и крымские татары являются европеоидами с небольшой примесью центрально-азиатского (монгольского) компонента. Не вызывает сомнений, что монгольские гаплогруппы попали к ним от калмыков. По частотам гаплогруппы С можно оценить вклад калмыков в генезис трех популяций: караногайцы – 13,3 %, кубанские ногайцы – 8,6 %, крымские татары – 3,1-7,7 %. Но это оценки максимум, поскольку у современных калмыков тоже имеется ногайский компонент. У их предков, пришедших в Прикаспий, частоты гаплогруппы С были выше.

6. Генетические следы калмыков

Поискем генетические следы калмыков в других популяциях, с которыми они контактировали прямо или через ногаев. Это народы Северного Кавказа, турки, румынские татары, казанские татары, башкиры, украинцы и русские. Соответствующей информации по румынским татарам у нас не имеется. Данные по остальным популяциям рассмотрены ниже.

В публикации (Литвинов, 2010, стр. 11) приведены гаплогруппы Y-хромосомы народов западной части Северного Кавказа: абазинов (88

образцов), адыгейцев (154), черкесов (126), карачаевцев (69), северных осетин (132) и южных осетин (24). Единичные носители гаплогруппы С имеются у адыгейцев (1 образец) и южных осетин (1 образец). У черкесов их заметные частоты (4 образца, 3,2 %). Так и должно быть. Кубанские ногойцы проживают в Карачаево-Черкессии. Да и сами черкесы контактировали с калмыками. В другой выборке осетин (146 образцов, в том числе 17 из Южной Осетии) (Nasidze & Quinque, 2004, Table 3) монгольские гаплогруппы не выявлены.

Автор публикации (Юнусбаев, 2006, стр. 14) привел результаты тестирования представителей 9 коренных народов Дагестана: аварцев (42 образца), чамалинцев (27), багуалинцев (28), андийцев (49), лезгинов (31), даргинцев (68), табасаранцев (43) и кумыков (76). Гаплогруппа С имеется только у табасаранцев (3 образца, 7,0%). Не понятно такое ее избирательное распространение. Скорее всего, это связано с каким-то разовым событием, например, покупкой табасаранцами пленных калмыков с их последующим включением в свой этнос.

В Турцию осуществлялась массовая миграция ногоаев и крымских татар. В публикации (Cinnioglu &, King, 2004, стр. 130) приведены результаты тестирования турок (523 образцов из 9 регионов Турции). Всего выявлено 7 носителей гаплогруппы С и 1 – О. Причем, 4 (4,9 %) носителя гаплогруппы С живут в Стамбуле (выборка 81 образец). Относительно высокие частоты носителей монгольских гаплогрупп в Турции (1,5 %) невозможно объяснить только миграцией туда ногоаев и крымских татар. Скорее всего, существовал и поток калмыков (ясырь) с Северного Кавказа и Крыма.

Существовала миграция ногоаев на Среднюю Волгу. Их потомки сегодня являются татарами, у которых должны быть монгольские гаплогруппы. Возможно попадание этих гаплогрупп и в другие популяции региона. У них (марийцы, мордва, коми, удмурты, чувашаи и татары, всего 580 образцов) выявлено 3 (0,5 %) носителя гаплогруппы С (Tambets & Rootsi, 2004, Table 3), в том числе 2 (1,6 %) у татар (126 образцов) и 1 (1,3 %) у чувашей (79 образцов). В другой выборке (Трофимова & Литвинов, 2015, стр. 123) (коми, бесермяне, удмурты, мордва, чувашаи, бурзянские башкиры, казанские и туймазинские татары, всего 410 образцов) монгольские гаплогруппы выявлены у казанских татар (53 образца): С – 5,7 %, О – 1,9 %, туймазинских татар (50 образцов): С – 2,0 % и мордвы (59 образцов): С – 1,7 %. Еще в одной выборке представлены два субэтнуса (Ахатова, 2014). Монгольские гаплогруппы у казанских татар (120 образцов): С – 3,9 %, О – 2,0 %, у татар-мишарей (130): С – 2,9 %, О – 1,5 % (стр. 49).

Результаты новых исследований (Балановская & Агджоян, 2016) пока опубликованы частично. Среди поволжских татар выявлено около 5

% носителей гаплогрупп С3-М217, О3-М122 и Q-М242 (стр. 79). Однако, в выборку (310 образцов), кроме собственно казанских татар, включены мишари и кряшены. Авторы публикации (Агджоян & Схаляхо, 2015) отметили своеобразие генетического портрета последних – высокие частоты гаплогрупп С3-М217 и G2a-Р15 (суммарно 20 %) (стр. 36). Имеется несколько гипотез происхождения кряшен. Мы сформулируем еще одну. Их часть – это крещенные ногаи. У караногайцев частоты гаплогрупп С3-М217 и G2a-Р15 суммарно составляют 11 %, у кубанских ногайцев – 15 % (Схаляхо & Чухряева, 2016, стр. 327).

Монгольские гаплогруппы могли попасть к кряшенам и от крещеных калмыков. Например, предки нагайбаков (кряшены) получили статус казаков в 1736 г., проживали в крепости Нагайбакская (Уфимская губерния) (Викторин, 2008, стр. 4). В 1842 г. их переселили в Новолинейный район (Зауралье) Оренбургского казачьего войска. «они были расселены в основном среди русских и крещеных калмыков» (Атнагулов, 1998, стр. 55). «В поселке Парижском нагайбаки проживали совместно с калмыками и русскими: 744 души – нагайбаки, 74 души – калмыки и 141 душа – русские» (Рыбалко, 1995, стр. 124). Эти вопросы можно будет проработать после публикации гаплогрупп поволжских татар с разбивкой по субэтносам.

Калмыки участвовали в Русско-Польской войне 1654-1667 гг. Их крупные конные армии находились на Левобережной Украине. Ногаи Крымского ханства контактировали с украинцами. После Азовских проходов Петра I (1695 и 1696 гг.), часть участвовавших в нем калмыков поселили в Чугуеве с определением их на казацкую службу. Прибывали туда калмыки и позднее. К 1788 г. из них было сформировано 8 сотен корпуса передовой стражи Екатеринославского пехотного полка (Гумилевский, 1857). Всего 1014 человек. Позднее калмыков перевели на Дон в казацкое сословие. «Оставшиеся в Чугуеве калмыки мало по малу роднились «с сведенцами» из разных городов русского царства, а чрез то сливались с русским племенем, теряя калмыцкий тип свой».

У современных украинцев может быть монгольский след. Но по результатам анализа опубликованных данных по гаплогруппам Y-хромосомы украинцев авторы публикации (Утевская, & Агджоян, 2013) сделали категорическое заключение: «не сообщалось о наличии гаплогрупп L-М20, О-М175 и С-М130 ..., которые характерны для монголоидных народов евразийских степей» (стр. 95). Авторы публикации (Balanovsky & Rootsi, 2008, Table 2) привели данные по генетическому портрету русских (484 образца). Выявлено 2 носителя гаплогруппы С. Один с Белгородчины (143 образца). Не потомок ли он чугуевских крещеных калмыков?

У русских порядка 0,3 % носителей гаплогруппы С (Тюрин, 2010). К ним было несколько потоков монгольских гаплогрупп (от калмыков). Один из них – при контакте калмыков с русскими на Северном Кавказе и Доне, где терские и кубанские казаки, а также русские и украинские переселенцы непосредственно контактировали с калмыками и ногаями. Первые крещеные калмыки были зачислены в донские казаки в 1686 г. (Оконова, 2011, стр. 65). Их общая численность в конце 19 века достигала 30 тысяч (Очиров, 2004, стр. 69). «Эффективность» этого потока характеризуют данные по кубанским (95 образцов), донским (323), запорожским (86) и терским (125) казакам (Utevska & Chukhryaeva, 2015). Частоты гаплогрупп в публикации не приведены. Но, как мы поняли, носители гаплогруппы С среди казаков не выявлены. Однако, казаки – это относительно «закрытое» сословие. Монгольские гаплогруппы должны быть у русских, не являющихся потомками казаков.

Русские непосредственно контактировали с калмыками и на просторах от Волги до Южного Урала включительно. К Яицкому казачьему войску первые калмыки приписаны в 1725 г. В 1887 г. их насчитывалось 1250 человек (Оконова, 2011, стр. 70). В 1738 г. начало формироваться Ставропольское калмыцкое войско с центром в Ставрополе-на-Волге. В 1744 г. там было 3330 крещеных калмыков обоего пола. После его упразднения (1842 г.) калмыки (3324 человека) были переведены в Новолинейный район. Там их расселили «вразброс, по несколько десятков семей в каждом отряде». (Кобзов, 1992, стр. 20). В Оренбургском казачьем войске на службе состояло около 600 калмыков. Часть из них тоже перевели в Новолинейный район. В 20-х годах 20 века калмыки этого района переселились на территорию Калмыкии.

Выше отмечено, что ногаи-кундровцы были отправлены (через Казанскую губернию) в Оренбургскую губернию. Здесь за ними закрепился этноним «кондуровцы». Их зачислили в Оренбургское казачье войско и поселили в Кондуровской слободе. Они оставались мусульманами. В 1745 г. из Казанской губернии в Оренбургскую было переведено еще 504 ногай (Аминов, 2016, стр. 10). Часть из них в 1747 г. (138 человек) «переметнулась» к хану Младшего жуза Нурали Абулхаиру. В 1768 г. из Казанской губернии в Оренбуржье переведено еще 200 семей (1044 чел.) кундровских ногаев. Их поселили на Сакмарской дистанции Оренбургской пограничной линии: в Воздвиженской крепости, в Никитинском и Желтом редутах. В отмеченных выше четырех поселениях в 1795 г. было 1836 кондуровцев обоего пола, в 1816 г. – 2055, в 1865 г. – 2660 (стр. 12). В 18 веке они в своих поселениях составляли абсолютное большинство. Но в 1916 г. в Кондуровке кондуровцев-мусульман было меньше одной трети. Остальные жители были православными. В Желтом их соотношение было примерно равным (стр. 13). Часть кондуровцев была

переселена в Новолинейный район (Викторин, 2008, стр. 6). Там они основали поселок Новокондуровский.

Восточнее Оренбургской губернии на юге Западной Сибири русские контактировали с калмыками с самого начала 17 века и до периода, когда их потомки стали казахами. Здесь мы приведем только один пример. В 1698 г. в Тюмени проводился смотр служилых детей боярских. У каждого из них было в подчинении по воину (Пузанов, 2016, стр. 111). У одного – калмык. Судя по его имени и фамилии – крещеный. В этом регионе русские получали гаплогруппу С и от казахов. Они включались (после принятия православия) в состав Сибирского казачьего войска (Казиев, 2014, стр. 34).

Был и «рассеянный» поток калмыков в русские регионы. С конца 17 века «представители, калмыцкой знати, решившие креститься, как правило, наделялись княжеским титулом» (Тепкеев, 2012, стр. 22). Калмыки разными путями оказывались в Москве. Они «через крещение входили в свободные группы русского населения, в общерусскую правовую среду» (стр. 24). Данных об их общей численности не имеется.

Кроме калмыков, монгольские гаплогруппы могли попасть к русским от ногайцев, крымских татар, казахов и монголов. Представляется, что низкая частота гаплогруппы С у русских соответствует невысокой интенсивности их контактов в прошлом с этими популяциями.

В регионе от Волги до Южного Урала включительно калмыки контактировали не только с русскими, но и с башкирами. Последние охарактеризованы выборкой, охватывающей 8 регионов их проживания (всего 471 образец) (Лобов, 2009, стр. 15). Среди башкир выявлено 2,3 % носителей гаплогруппы С и 0,8 % – гаплогруппы О. Но все они локализованы в зонах контактов башкир с калмыками и казахами. Носители гаплогруппы С живут на западе Оренбургской области (43 образца) – 16,3 %, и в сопредельном с ней Стерлибашевском районе Башкортостана (52 образца) – 5,8 %. Носители гаплогруппы О – на востоке Оренбургской области (34 образца) – 5,9 %, а также в Саратовской и Самарской областях (50 образца) – 4,0 %. Еще 1 носитель гаплогруппы С выявлен в Абзелиловском районе (80 образцов) сопредельном с Челябинской областью. Но до конца 30-х годов 19 века граница Российской империи здесь проходила по реке Урал.

Выборка по башкирам востока оренбургской области небольшая. Тем не менее, в ней выявлено два носителя гаплогруппы О и ни одного С. Но именно здесь происходил плотный этнический контакт башкир и казахов. Почему к башкирам не попала гаплогруппа С, доминирующая по частотам у казахов? Рассмотрим эту «аномалию» подробнее. В 18 веке «Двенадцать отделений рода жагалбайлы племени жетыру в количестве 7

000 семей кочевали летом по реке Кумек (Кумак, *авт.*), в горах Карашатау и по реке Тобол, а зимовали – от Верхнеозерной крепости вверх по реке Урал до Верхнеуральска» (Муканов, 1991, стр. 16). Жетыру – одно из трех племенных объединений Младшего жуза. И сегодня на юго-востоке Челябинской области проживают казахи рода жагалбайлы (Атнагулов, 2017, стр. 262). Генетический портрет жагалбайлы приведен в публикации (Сабитов & Жабагин, 2015, стр. 378). Всего 13 образцов. По частотам доминирует гаплогруппа O – 6 образцов. Она доминирует у китайцев, ее значимые частоты имеются у монголов и казахского рода найман. По два образца – G1 (эта гаплогруппа доминирует у казахского рода аргын) и R1b (доминирует у башкир Абзелиловского района). И всего один образец – гаплогруппа C. То есть, даже небольшие выборки проясняют тонкости этнического взаимодействия казахов и башкир. К башкирам востока Оренбургской области попала гаплогруппа O, доминирующая по частотам у казахского рода жагалбайлы, а в этот род от башкир Абзелиловского района попала гаплогруппа R1b. Название казахского объединения родов ДЖЕТЫРУ переводится как «семь родов» (ДЖЕТЫ – «семь», РУ – род). Не «дубль» ли это объединения родов ногаев – ДЖЕТИСАНЦЫ (САН – ?)?

Гаплогруппы калмыков в выборке из публикации (Nasidze & Quinze, 2005, стр. 850) определены с невысоким разрешением, а авторы публикации (Derenko & Malyarchuk, 2006, стр. 595) выделяли только гаплогруппу C. По этим данным мы ничего не можем сказать о наличии у калмыков гаплогрупп популяций, среди которых они живут с середины 17 века. Но по интересующему нас вопросу имеются другие данные. По результатам изучения полиморфизма ДНК (эти генетические маркеры передаются и по мужской, и по женской линиям) субпопуляции калмыков отличаются по этноантропологическому вкладу (Балинова, 2010). У дербетов восточноазиатский (монголоидный) компонент составляет 96,5 %, у торгоутов – 75,0 %, у бузавов – 48,3 %. Центральнo- и Восточно-европеоидный компонент у этих популяций 2,5 %, 16,7 % и 41,7 %, переднеазиатский европеоидный – 1,0, 6,3 и 10,0 % (стр. 199-200). Бузавы – это донские калмыки-казаки. Высокий европеоидный компонент у субпопуляции можно объяснить тем, что их предками, возможно, были смешанные группы калмыков и ногаев. В таком составе было легче адаптироваться к новым условиям. Торгоуты составили первую волну переселенцев в западную часть Прикаспия и включали в свои улусы рода ногаев. Поэтому у них доля европеоидного компонента выше, чем у дербетов. Европеоидная примесь у калмыков отмечается и по данным антропологии.

7. Заключение

Рассмотрев историю взаимодействия калмыков с ногаями Большой Ногайской орды, Малой Ногайской орды и Крымского ханства, а также

многочисленные переселения ногаев можно сделать вывод о значимом генетическом влиянии этих популяций друг на друга. Именно этим объясняется наличие монгольских гаплогрупп Y-хромосомы С, О и D у потомков ногаев – караногайцев (8,7 %), кубанских ногайцев (8,5 %) и крымских татар (примерно 2,0-5,0 %), а также высокие значения европеоидного компонента (полиморфизм ДНК) у субпопуляций современных калмыков – торгоутов и бузавов (23 % и 51,7 %). Выявлено генетическое влияние калмыков на другие популяции, с которыми они контактировали прямо или через ногаев. Значимые частоты монгольских гаплогрупп (1,5-7,0 %) имеются у черкесов, табасаранцев, казанских татар, турок и башкир. У других популяций Северного Кавказа и Восточной Европы монгольских гаплогрупп либо не выявлено, либо отмечены их единичные носители. Черкесы прямо контактировали с калмыками и кубанскими ногайцами. В Турцию было несколько переселений ногаев и крымских татар. Возможно, существовал и поток калмыков (ясырь). Пока не понятно, как монгольские гаплогруппы попали к табасаранцам. Не ясен характер их распределения в субпопуляциях поволжских татар. Единичные носители монгольских гаплогрупп у русских соответствуют невысокой интенсивности их контактов в прошлом с калмыками, а также с другими популяциями, у которых имеются монгольские гаплогруппы – ногайцами, крымскими татарами, казахами и монголами. У украинцев монгольские гаплогруппы не выявлены.

Список литературы

Balanovsky, O. & Rootsi, S. (2008). Two sources of the Russian patrilineal heritage in their Eurasian context. *Am. J. Hum. Genet.*, № 82(1), pp. 236-250. DOI: 10.1016/j.ajhg.2007.09.019

Cinnioglu, C. & King, R. (2004). Excavating Y-chromosome haplotype strata in Anatolia. *Human Genetics*, 114(2):127-48. DOI: 10.1007/s00439-003-1031-4

Derenko, M. & Malyarchuk, B. (2006). Contrasting patterns of Y-chromosome variation in South Siberian populations from Baikal and Altai-Sayan. *Human Genetics*, Vol. 118, № 5, pp. 591-604. DOI 10.1007/s00439-005-0076-y

Katoh, T. & Munkhbat, B. (2005). Genetic features of Mongolian ethnic groups revealed by Y-chromosomal analysis. *Gene*, Vol. 346, pp. 63-70.

Marchani, E.E. & Watkins, W.S. (2008). Culture creates genetic structure in the Caucasus: Autosomal, mitochondrial, and Y-chromosomal variation in Daghestan. *BMC Genet.*, 9: 47, pp. 1-13. DOI: 10.1186/1471-2156-9-47

Nasidze, I. & Quinque, D. (2004). Genetic evidence concerning the origins of South and North Ossetians. *Annals of Human Genetics*, Vol. 68, Issue 6, pp. 588-599. DOI: 10.1046/j.1529-8817.2004.00131.x

Nasidze I. & Quinque D. (2005). Genetic evidence for the Mongolian ancestry of Kalmyks. *Am J Phys Anthropol*, 128(4), pp. 846-854.

Tambets K. & Rootsi S. (2004). The Western and Eastern roots of the Saami – the story of genetic «Outliers» told by mitochondrial DNA and Y-Chromosomes. *Am J Hum Genet*, 74(4), pp. 661-682. DOI: 10.1086/383203

Агджоян, А. Т. & Схаляхо, Р. А. (2015). От Сибири до Крыма: особенности генофонда татар Евразии (крымских, сибирских, казанских, кряшен, мишарей). *Международная полевая школа в Болгаре*, с. 33-38.

Агджоян, А. Т. & Балановская, Е. В. (2016). Генофонд сибирских татар: пять субэтносов – пять путей этногенеза. *Молекулярная биология*, т. 50, № 6, с. 978-991.

Аминов, Р. Р. (2016). Формирование и численность ногайцев Оренбургского казачьего войска. *Бусыгинские чтения, Выпуск девятый. Народы в поликультурном взаимодействии*, с.10-14.

Атнагулов, И. Р. (1998). К вопросу об этнической специфике нагайбаков. *Гуманитарные науки в Сибири*, № 3, с. 53-58.

Атнагулов, И. Р. (2017). Казахи Челябинской области: краткая этнокультурная характеристика (к проблеме этнической самоидентификации в полиэтничном окружении). *Проблемы истории, филологии, культуры*, № 1, с. 260-268.

Ахатова, Ф. С. (2014). Популяционно-генетическое исследование татар по локусам Y-хромосомы и alu-инсерций. Магистерская диссертация, Казань, 69 с.

Балаганская, О. А. & Дамба, Л. Д. (2016). Монгольский след в генофонде народов вдоль степной полосы Евразии. *Современные проблемы науки и образования*, № 4, с. 211.

Балановская, Е. В. & Агджоян, А. Т. (2016). Татары Евразии: своеобразие генофондов крымских, поволжских и сибирских татар. *Вестник Московского университета, Серия 23: Антропология*, № 3, с. 75-85.

Балинова, Н. В. (2010). Полиморфизм ДНК и его использование для изучения истории и происхождения тюрко-монгольских народов. *Проблемы этнической истории и культуры тюрко-монгольских народов*, № 2, с. 187-207.

Бегеулов, Р. М. (2014). Калмыцкий поход на Северный Кавказ в 1643-1644 гг. *Народы Кавказа: история, этнология, культура*, с. 210-217.

Бобров, Л. А. & Рюмшин, М. А. (2015). «...и против них не ставали они нигде и биться с ними не умеют». Оружейный и военно-тактический

аспект калмыцко-ногайских и калмыцко-татарских войн первой половины – середины XVII в. *Золотоордынская цивилизация*, № 8, с. 357-378.

Викторин, В. М. (2008). Казаки-нагайбаки и служилые ногайские татары в Оренбургском войске на границах казахских степей: XVIII – нач. XX вв., их потомки и родственные группы Поволжья (этномиграции, связанные по разным маршрутам), *Вопросы истории и археологии Западного Казахстана*, № 2, с. 3-17.

Волков, В. Г. (2013). Древние миграции самодийцев и енисейцев в свете генетических данных. *Томский журнал лингвистических и антропологических исследований*, № 1 (1), с. 79-96.

Гумилевский, Д. Г. (Филарет) (1857). *Историко-статистическое описание Харьковской епархии*. Отд. IV (Чугуевские округа военного поселения; уезды – Змиевской и Волчанский) – в Харькове. http://dalizovut.narod.ru/filaret/filar_s.htm

Казиев, С. Ш. (2014). Повседневность межэтнических отношений: казаки, крестьяне и казахские кочевники Западной Сибири и Казахстана в начале XX века. *История повседневности Западной Сибири: конец XIX-начало XXI вв.*, с. 29-54.

Кипкеева, З. Б. (2006). Конец Ногайской орды: миграции и расселение на Северном Кавказе. *Новый исторический вестник*, № 15, с. 5-15.

Кобзов, В. С. (1992). Новая линия. *Вестник Челябинского университета*. Серия I: История, 1992, №1, с. 12-26.

Литвинов, С. С. (2010). Изучение генетической структуры народов Западного Кавказа по данным о полиморфизме Y-хромосомы, митохондриальной ДНК и alu-инсерций. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата биологических наук. Уфа, 23 с.

Лобов, А. С. (2009). Структура генофонда субпопуляций башкир. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата биологических наук. Уфа, 23 с.

Матюшко, И.В. (2011). Особенности погребального обряда кочевников степного Приуралья XIII-XIV вв. *Известия Самарского научного центра Российской академии наук*, Т. 13, № 3-1, с. 280-283.

Муканов, М. С. (1991). *Этническая территория казахов в XVIII – начале XX веков*. Алма-Ата: Казахстан, 64 с.

Муратов, Б. А. (2016). ДНК-генеалогия татарских фамилий – 2. Крымские татары. *БЭИП «Суюн»*, Т. 3, № 1 [1, 2], с. 28-79.

Оконова, Л. В. (2011). К вопросу об ареале расселения калмыков за пределами их основных кочевий в XVII–XIX вв. *Монголоведение*, № 5, с. 65-79.

Очиров, У. Б. (2004). К вопросу о численности калмыцких этнических групп на Дону и Северном Кавказе в кон. XVII – нач. XX вв. *Юг России: культурно-исторический феномен*, с. 67-70.

Очиров, У. Б. (2009). Керяты в составе торгутских улусов калмыцкого ханства. *Проблемы этнической истории и культуры тюрко-монгольских народов*, № 1, с. 114-123.

Потто, А. В. (1899). *Кавказская война. (Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях)*, (в 5-ти томах) [В Сети].

Пузанов, В. Д. (2016). Политика Русского государства по снабжению уездов Сибири оружием в XVII в. *Исторический формат*, № 4, с. 106-123.

Рыбалко, А. А. (1995). История и быт казаков Новолинейного района (Этнографический очерк). Аркаим: Исследования. Поиски. Открытия. Науч. ред. Г.Б. Зданович; Сост. Н.О. Иванова. – Челябинск: «Каменный пояс», с. 116-133.

Сабитов, Ж. М. & Жабагин, М. К. (2015). Этногенез казахов с точки зрения популяционной генетики. Вопросы конституционного строительства и роль лидера нации. III конгресс историков Казахстана. Астана. с. 375-379.

Схаляхо, Р. А. & Чухряева, М. И. (2016). Генофонды ногайцев в контексте населения степного пояса Евразии (по маркерам Y-хромосомы). *Золотоордынская цивилизация*, № 9, с. 326-333.

Тепкеев, В. Т. (2012). О появлении первых крещеных калмыков в Москве в середине XVII в. *Новый исторический вестник*, № 33 (33), с. 18-25.

Торопицын, И. В. (2011). Россия и ногайцы: поиск путей самоопределения и сосуществования (первая половина XVIII в.). *Тюркологический сборник 2009-2010: Тюркские народы Евразии в древности и средневековье*, с. 330–359.

Торопицын, И. В., (2012). Эрс Магомет мулла – агент российского влияния в среде ногайцев (к вопросу о поселении салтанаульцев в Астраханской губернии в 1740-х гг.). *Актуальные вопросы истории и культуры ногайцев*, Вып. 1, с. 106-112.

Торопицын, И. В. (2014). Кундровцы (ногаи) в Нижнем Поволжье. *Ногайцы: XXI век. История. Язык. Культура. От истоков – к грядущему*, с. 95-99.

Трепавлов, В. В. (2016). *История Ногайской Орды*. 2-е изд., испр. и доп. – Казань: Издательский дом «Казанская недвижимость», 764 с.

Трофимова, Н. В. & Литвинов, С. С. (2015). Генетическая характеристика популяций Волго-Уральского региона по данным об изменчивости Y-хромосомы. *Генетика*, Т. 51, № 1, с. 120-127.

Тюрин, А. М. (2010). Имеются ли генетические следы монгольских завоеваний 13 века? *Электронный сборник статей «Новая Хронология»*, Выпуск 10. http://new.chronologia.org/volume10/turin_mongoly.php

Тюрин, А. М. (2017). Генетический портрет литовских татар и феномен «Монгольские завоевания 13 века». *Вестник Оренбургского государственного университета*, № 5, с. 78-82.

Устюгов, Н. В. & Златкин, И. Я. (Ред.), (1967). *Очерки истории Калмыцкой АССР. Дооктябрьский период*. «Наука», Москва, 497 с. [В Сети]

Утевская, О. М., & Агджоян, А. Т. (2013). Истоки формирования украинского генофонда по данным об Y-хромосоме. *Вісник Харківського університету*, Вип. 18 (№ 1079), с. 87-98.

Утевская, О. М., & Чухряева, М. И. (2015). Происхождение основных групп казачества по данным о полиморфизме Y-хромосомы. *Вісник Одеського національного університету. Біологія*, Т. 20, № 2 (37), с. 61-69.

Юнусбаев, Б. Б. (2006). Популяционно-генетическое исследование народов Дагестана по данным о полиморфизме Y-хромосомы и alu-инсерций. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата биологических наук. Уфа, 24 с.

Янковски Х. (2000). Крымские татары и ногайцы в Турции. *Rocznik Tatarskich*, 2000, Т. 6, с. 118-126. [Перевод статьи на русский язык в Сети]. <https://turkology.tk/library/200>

KALMYKS, KARA-NOGAIS, KUBAN NOGAIS AND CRIMEAN TATARS – GENOGEOGRAPHY AND GENOGENEALOGY ASPECTS

Tyurin A.M.

Tyurin A.M., head of the laboratory of Geophysics, Department of Geology and Geophysics
ООО «VolgoUraNIPIgaz», 460000, Orenburg, Kirova, 52A, 29, E-mail:
tiurin2007@rambler.ru

It's examined the interaction between Kalmyks and pristine Nogais who were a part of Great Nogai Horde, Small Nogai Horde and Crimean khanate in the 17th century, as well as numerous resettlements of the latter. There given the frequency of Y-chromosome haplogroups of Mongols, Kalmyks and pristine Nogais descendants: Kara-Nogais, Kuban-Nogais and Crimean Tatars. The conclusion is taken into account (Tyurin, 2017): genetic Mongols hadn't come to Eastern Europe and adjacent regions of Asia before completion of the separation of Lithuanian Tatars (early 16th century). Proceeding from this, Mongolian haplogroups C, O and D (a total of 2.0-5.0 % among Crimean Tatars to 8.7 % among Kara-Nogais), observed among the descendants of pristine Nogais, could get to them only from the Kalmyks. The genetic influence of Kalmyks on other populations with which they contacted

directly or through pristine Nogais was revealed. Significant frequencies of Mongol haplogroups (of 1.5-7.0 %) are among Circassians, Tabasarans, Volga Tatars, Turks and Bashkirs. In other populations of the North Caucasus and Eastern Europe, these haplogroups are either not identified, or their individual carriers are marked. Circassians contacted directly with the Kalmyks, pristine Nogais and their descendants, Kuban Nogays. In Turkey there were several migrations of pristine Nogais and Crimean Tatars. Perhaps there was a flow of Kalmyks (yasyr). Among Bashkir the bearers of Mongolian haplogroups were identified only on the periphery of their region of settlement in the areas of their contact with Kalmyks and Kazakhs. It is not clear how the Mongolian haplogroups came to Tabasarans. The nature of their distribution in the subpopulations of the Volga Tatars is not clear.

Keywords: genogeography, genogenealogy, Great Nogai Horde, Small Nogai Horde, Crimean khanate, Kalmyks, Kara-Nogais, Kuban Nogais, Crimean Tatars.

References:

Balanovsky, O. & Rootsi, S. (2008). Two sources of the Russian patrilineal heritage in their Eurasian context. *Am. J. Hum. Genet.*, № 82(1), pp. 236-250. DOI: 10.1016/j.ajhg.2007.09.019

Cinnioglu, C. & King, R. (2004). Excavating Y-chromosome haplotype strata in Anatolia. *Human Genetics*, 114(2):127-48. DOI: 10.1007/s00439-003-1031-4

Derenko, M. & Malyarchuk, B. (2006). Contrasting patterns of Y-chromosome variation in South Siberian populations from Baikal and Altai-Sayan. *Human Genetics*, Vol. 118, № 5, pp. 591-604. DOI 10.1007/s00439-005-0076-y

Katoh, T. & Munkhbat, B. (2005). Genetic features of Mongolian ethnic groups revealed by Y-chromosomal analysis. *Gene*, Vol. 346, pp. 63-70.

Marchani, E.E. & Watkins, W.S. (2008). Culture creates genetic structure in the Caucasus: Autosomal, mitochondrial, and Y-chromosomal variation in Daghestan. *BMC Genet.*, 9: 47, pp. 1-13. DOI: 10.1186/1471-2156-9-47

Nasidze, I. & Quinque, D. (2004). Genetic evidence concerning the origins of South and North Ossetians. *Annals of Human Genetics*, Vol. 68, Issue 6, pp. 588-599. DOI: 10.1046/j.1529-8817.2004.00131.x

Nasidze I. & Quinque D. (2005). Genetic evidence for the Mongolian ancestry of Kalmyks. *Am J Phys Anthropol.*, 128(4), pp. 846-854.

Tambets K. & Rootsi S. (2004). The Western and Eastern roots of the Saami – the story of genetic «Outliers» told by mitochondrial DNA and Y-Chromosomes. *Am J Hum Genet.*, 74(4), pp. 661-682. DOI: 10.1086/383203

Agdzhoyan, A. T. & Skhalyakho, P. A. (2015). From Siberia to Crimea: peculiarities of genepool of the tatar populations across Eurasia (Crimean,

Siberian, Kazan, Mishar and Baptized Tatars). *International field school in Bolgar*, pp. 33-38.

Agdzhoyan, A. T. & Balanovska, E. V. (2016). The gene pool of Siberian Tatars: Five ways of origin for the five subethnic groups. *Molecular biology*, Bul. 50, № 6, pp. 978-991.

Aminov, R. R. (2016) Formation and the number of Nogais of the Orenburg Cossack troops. *Bosaginskiy readings*, Issue Ninth. *Peoples in a multicultural interaction*, pp. 10-14.

Atnagulov, I. R. (1998). The question about ethnic specificity of Nagaibak. *The Humanities in Siberia*, № 3, pp. 53-58.

Atnagulov, I. R. (2017). Kazakhs of Chelyabinsk region: a brief ethno-cultural characteristic (to the problem of ethnic identity in the multiethnic environment). *Problems of History, Philology, Culture*, № 1, pp. 260-268.

Akhatova, F. C. (2014). Population and genetic study of the Tatars at the loci Y-chromosome and alu-insertions. Master thesis, Kazan, 69 p.

Balaganskaya, O. A. & Damba, L. (2016). Mongolian trace in gene pool of populations along the steppe of Eurasia. *Modern problems of science and education*, № 4, p. 211.

Balanovska, E. V. & Agdzhoyan, A. T. (2016). The Tatars of Eurasia: peculiarity of Crimean, Volga and Siberian Tatar gene pools. *Bulletin of Moscow state University, Series 23: Anthropology*, № 3, pp. 75-85.

Balinova, N. V. (2010). DNA polymorphism and its use for the study of the history and origin of the Turkic-Mongolian peoples. *Problems of ethnic history and culture of Turkic-Mongolian peoples*. № 2, pp. 187-207.

Begeulov, R. M. (2014). Kalmyk expedition to the North Caucasus in 1643-1644. *The peoples of the Caucasus: history, Ethnology, culture*, pp. 210-217.

Bobrov, L. A. & Ryumshin, M. A. (2015). «... and against them, they could not withstand anywhere and they are not able to fight against them». Arms and military tactical aspect of the Kalmyk-Nogai and Kalmyk-Tatar wars during the first half – middle of the 17th century. *The Golden Horde civilization*, № 8, pp. 357-378.

Viktorin, V. M. (2008). Cossack-Nagaibaks and serving the Nogai Tatars in the Orenburg army on the borders of the Kazakh steppe: the 18th – early 20th centuries, their descendants and related groups of the Volga region (ethnic migration associated with different routes). *Questions of history and archaeology of Western Kazakhstan*, № 2, pp. 3-17.

Volkov, V. G. (2013). Ancient migrations of Samodians and Yeniseians in light of genetic data. *Tomsk journal of linguistics and anthropology*, № 1 (1), pp. 79-96.

Gumilevsky, G. D. (Filaret) (1857). *Historical-statistical description of the Kharkov diocese*. Dep. IV (Chuguev districts military settlements; counties – Zmiev, and Volchansk) – at Kharkiv. http://dalizovut.narod.ru/filaret/filar_s.htm

Kaziev, S. Sh. (2014). Everyday life inter-ethnic relations: Cossacks, peasants and Kazakh nomads in Western Siberia and Kazakhstan in the early 20th century. *The History of everyday life in Western Siberia late 19th - early 20th centuries*, pp. 29-54.

Kipkaeva, Z. B. (2006). The end of the Nogai Horde: migration and resettlement in the North Caucasus. *The New Historical Bulletin*, № 15, pp. 5-15.

Kobzov, V. S. (1992). New Line. *Bulletin of Chelyabinsk University. Series I: History*, 1992, № 1, pp. 12-26.

Litviniv, S. S. (2010). The study of the genetic structure of the peoples of the West Caucasus according to the polymorphism of the Y-chromosome, mitochondrial DNA and alu-insertions. The dissertation on competition of a scientific degree of candidate of biological Sciences. Ufa, 23 p.

Lobov A. S. (2009). Structure of the gene pool of the Bashkir subpopulations. The dissertation on competition of a scientific degree of candidate of biological Sciences. Ufa, 2009, 23 p.

Matyshko, I. V. (2011). The features of funeral ceremony of steppe Pre-Ural nomads of the 13-14th centuries. *Bulletin of the Samara scientific center, Russian Academy of Sciences*, Vol. 13, № 3-1, pp. 280-283.

Mukanov, M. S. (1991). *Ethnic territory of the Kazakhs in 18th – early 20th centuries*. Alma-Ata: Kazakhstan, 64 p.

Muratov, B. A. (2016). DNA-genealogy of Tatar names – 2. Crimean Tatars. *aBEHP «Suyun»*, Vol. 3, № 1 [1, 2], pp. 28-79.

Okonova, L. V. (2011). Toward the question on area of settling of the Kalmyk outside of their main settling territories in the 17th – 19th centuries. *Mongolian studies*, № 5, pp. 65-79.

Ochirov, U. B. (2004). To the question about the number of Kalmyk ethnic groups in the Don and North Caucasus in the late 17th – early 20th centuries. *The South of Russia: cultural-historical phenomenon*, pp. 67-70.

Ochirov, U. B. (2009). Keryati composed torgut uluses of Kalmyk khanate. *Problems of ethnic history and culture of Turkic-Mongolian peoples*, №. 1, pp. 114-123.

Potto, V. A. (1899). *Caucasian war. (The Caucasian war in separate essays, episodes, legends and biographies)*, (5 volumes) [In Network].

Puzanov V. D. (2016). The policy of the Russian state regarding the arms supply of Siberian districts in 17th century. *Historical format*, № 4, pp. 106-123.

Rybalko, A. A. (1995). The History and life of Cossacks Novolinynogo district (Ethnographic essay). Arkaim: Researches. Search. Open. Scientific.

edited by G. B. Zdanovich; Comp. N. O. Ivanova. – Chelyabinsk: Creative. «Stone belt», pp. 116-133.

Sabitov, J. M. & Gabain, M. K. (2015). The ethnogenesis of the Kazakhs from the point of view of population genetics. Questions of constitutional construction and the role of the leader of the nation. III Congress of historians of Kazakhstan. Astana. pp. 375-379.

Skhalyakho, R. A. & Chukhryaeva M. I. (2016). Nogai gene pools in the context of the population of Eurasian Steppe Belt (based on the markers of Y-chromosome). *The Golden Horde civilization*, № 9, pp. 326-333.

Тепкеев, В. Т. (2012). On the appearance of the first christened Kalmyks in Moscow in the middle of 17th centuries. *The New Historical Bulletin*, № 33 (33), pp. 18-25.

Toropitsyn, I. V. (2011). Russia and Nogai: search of ways of self-determination and coexistence (first half of 18th century). *Turkological collection 2009-2010: The Turkic peoples of Eurasia in antiquity and the middle ages*, pp. 330-359.

Toropitsyn, I. V., (2012). Ers Mohammed Mullah – an agent of Russian influence among the Nogais (the question of the settlement of Sultanaul in the Astrakhan province in the 1740-1749). *Topical issues of the history and culture of the Nogai*, Issue 1, pp. 106-112.

Toropitsyn, I. V. (2014). Kundrov (Nogai) in the Lower Volga region. *Nogai: the 21th century. History. Language. Culture. From the beginning – the future*, pp. 95-99.

Trepavlov, V. V. (2016). *History of Nogai Horde*. 2-e Izd., rev. and extra – Kazan: «Kazanskaya Nedvizhimost», 764 p.

Trofimova, N. V. & Litvinov, S. S. (2015). Genetic characterization of populations of the Volga-Ural region according to the variability of the Y-chromosome. *Genetics*, Vol. 51, № 1, pp. 120-127.

Tyurin, A. M. (2010). If there are genetic traces of Mongol invasions of the 13th century? Electronic collection of articles «New Chronology», Issue 10. http://new.chronologia.org/volume10/turin_mongoly.php

Tyurin, A. M. (2017). Genetic portrait of Lithuanian Tatars and the phenomenon «Mongol conquests of the 13th century». *Bulletin of Orenburg state University*, № 5, pp. 78-82.

Ustyugov, N. V. & Zlatkin, I. J. (Ed.), (1967). *Essays on the history of the Kalmyk ASSR. Pre-October period*. «Nauka», Moscow, 497 p. [In Network]

Utevska, O. M. & Agdzhoyan, A. T. (2013). The origin of Ukrainian gene pool on Y-chromosomal data. *Bulletin of Kharkov University*, Issue 18 (№ 1079), pp. 87-98.

Utevska, O. M. & Chukhryaeva, M. I. (2015). Genesis of major Cossack groups on the Y-chromosome data. *Bulletin of the Odessa national University. Biology*, Vol. 20, № 2 (37), pp. 61-69.

Yunusbaev, B. B. (2006). Population and genetic study of the peoples of Dagestan according to the polymorphism of Y-chromosome and alu-insertions. The dissertation on competition of a scientific degree of candidate of biological Sciences. Ufa, 2006, 24 p.

Jankowski H. The Crimean Tatars and Nogais in Turkey. Rocznik Tataryw Polskich, 2000, Vol. 6, pp. 118-126.